

УДК 343(09) + 343.21'/.7(470)(09)

О. В. Андрусенко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В 1800—1820-е гг. ПО СИСТЕМАТИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

O. V. Andrusenko

ACTIVITIES OF LEGISLATIVE COMMISSIONS ON SYSTEMATIZATION OF CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA IN 1800—1820'S

В статье проанализирована деятельность комиссий для составления законов в первой четверти XIX века в России, исследованы вопросы становления систематизации уголовного законодательства в данный период, сделан обзор причин неудач деятельности всех предшествующих комиссий для составления законов, влияние иностранного законодательства (в частности, французского и немецкого) на составление проекта Уголовного уложения 1813 г., проанализированы архивные материалы различных редакций Уголовного уложения 1813 г., показаны этапы создания проекта Уголовного уложения 1813 г. и роль русских ученых-правоведов под руководством М. М. Сперанского в данной деятельности.

Ключевые слова: проект Уголовного уложения 1813 г., систематизация, уголовное законодательство, законодательные комиссии, Г. Розенкамф, М. М. Сперанский, департамент Государственного Совета, Якоб, Свод законов уголовных 1832 г.

The article analyzes the work of commissions for drafting laws in the first quarter of the XIX century in Russia, studies the issues of formation of systematization of criminal law in a given period, overviews the reasons for the failure of all previous activities of commissions for drafting laws, as well as the influence of foreign law (in particular, French and German) on drafting the Criminal Code in 1813. The author analyzes the archive materials of different editions of the Criminal Code of 1813 and shows the steps for creating a draft Criminal Law of 1813 and the role of Russian legal scholars under the supervision of M. M. Speransky in this activity.

Keywords: Draft criminal code of 1813, systematization, criminal legislation, legislative committees, G. Rosenkampf, M. M. Speransky, Department of State Council, Jacob, Code of criminal laws of 1832.

Попытки систематизации российского законодательства, в т. ч. и уголовного права, после издания Уложения 1649 г. предпринимались неоднократно, но успеха не имели. К началу XIX в. накопилось огромное количество законодательных актов. Изданные в разное время

нормативные материалы исходили из разных принципов и нередко регулировали уже отжившие отношения. Тем не менее, все они считались формально действующими и использовались при рассмотрении административных и судебных дел. Большинство актов носило

казуистический характер, в них трудно было найти какие-либо общие принципы для решения определенных категорий дел [21, с. 278]. Хаос в законодательстве усугублялся тем, что подавляющая часть действующих узаконений была неизвестна государственным органам и чиновникам, а в некоторых случаях оказалась просто недоступной. Законы были собраны в многочисленных сборниках, книгах, журналах присутственных мест, а также в рукописях, не имевших достаточной полноты и достоверности.

Формирование науки уголовного права происходило в сложной обстановке в России, которая характеризовалась изменениями в социально-экономическом строе общества, реформами государственного аппарата. Это определяло необходимость обновления уголовного законодательства. «Недостатки... узаконений... уголовных ... известны и ... чувствуюемы в судебной практике» [4, с. 44].

В этот период неоднократно создавались кодификационные комиссии, которые успеха не имели. В 1796 г. императорским указом была возобновлена Уложенная комиссия, которую повелено называть Комиссией для составления законов. Комиссии для составления законов предписывалось «...собрав все изданные ... узаконения, извлечь из них три книги законов Российской империи: первую уголовных, вторую гражданских, третью казенных дел...» [19, с. 16—17]. Для исполнения задачи предлагалось «избрать искусных в законознании чиновников». Готовые части книг или отделения должны были вноситься на непосредственное рассмотрение и утверждение Сената. В 1801 г. эта Комиссия была преобразована Высочайшим рескриптом от 5 июня 1801 г. [5], в котором Александр I определил задачи Комиссии составления законов. По мнению Г. Б. Гальперина, «...Александр I в определении задач Комиссии по кодификации не выходил за рамки систематизации существующего законодательства» [1, с. 134]. Александр в документе подверг критике существующее законодательство, осуждая «...мрак, облегающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении». Оценивая деятельность предыдущих комиссий, Александр отмечал: «...в течение почти одного века с половиною, законы, истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями... не могли иметь ни связи между собою, ни единства в их намерениях, ни постоянности в их действии». В рескрипте предлагалось приступить к системати-

зации законодательного материала, собранного предыдущими комиссиями, и выбрать в члены Комиссии людей, «вполне способных и подготовленных». Председателем Комиссии составления законов был назначен граф Завадовский, человек, «...который сверх обширных по сей части сведений имел и достаточные познания о действии бывших доселе комиссий, дабы тем скорее и успешнее мог он все привести в надлежащее движение» [20, с. 312]. Членами Комиссии в эту эпоху были Ананьевский, Пшеничный, Пряшников, Радищев и Ильинский [18, с. 615]. Работа Комиссии и ее председателя находились под неусыпным контролем императора: «...вносить ко мне будет о течении дел ее (Комиссии. — О. А.) ежемесячно записки» [5]. В 1803 г. при Министерстве юстиции была образована особая комиссия составления законов, перед которой была поставлена задача «законы утвердить на непоколебимых основаниях права» [19, с. 22]. Труды всех этих комиссий не принесли каких-либо ощутимых результатов, и, оценивая их деятельность, Сперанский видел причины неудач «в обстоятельствах времени и в распорядке работ». «Обстоятельством времени», прежде всего, надо объяснить, что «правительство по необходимости употребляло к сему делу людей, большею частью занятых, обремененных другими делами»; затем в людях, назначенных к делу кодификации, «соединение теории с опытностью случалось очень редко». Что касается распорядка работ, то Сперанский находил, что «все почти комиссии представляли себе дело, им предстоящее, не только настоятельным, но и в исполнении легким. Отсюда происходило, что все почти приступали прямо к концу его, не приготовив ни начала, ни середины. Поэтому то печатали манифесты о сочинении Уложения, не сочинив его, то приступали к составлению свода законов или даже Уложения, не сделав предварительно собрания законов, на которых должно основываться Уложение» [17, с. 55—59].

В 1804 г. Александром I была учреждена новая, десятая по счету, начиная с 1700 г., комиссия. Основной задачей вновь созданной комиссии было составление свода существующих законов и подготовка кодекса новых законов. Комиссия учреждалась в ведении министра юстиции в составе трех экспедиций, каждая из которых состояла из одного референдаря, нескольких редакторов и других чиновников. Министр юстиции, непосредственно управляющий комиссией,

и товарищ министра составляли «Присутствие комиссии» [15]. В этой последней комиссии и проходила работа над новым Уголовным уложением. Ее возглавлял барон Густав Розенкампф, лифляндец по происхождению, которому «...нельзя было отказать ни в остром уме, ни в обширных теоретических сведениях; но знания его в русском языке были крайне скудны, а о России еще скуднее» [3, с. 146]. Кроме того, как отмечал русский юрист Е. П. Карнович, что Розенкампф «...не выяснил вполне предстоявшей ему задачи, ...он то хотел сделать издание законов каким-то историко-археографическим трудом, то ...принимался за сличение русского законодательства с иностранными законодательствами» [2, с. 416]. В 1809 г. последовала реорганизация Комиссии составления: вместо трех экспедиций учреждалось шесть отделений: гражданского уложения, уголовного уложения, коммерческого уложения, публичного права и государственной экономики, Свода законов остзейских, Свода законов малороссийских и польских.

Кроме перечисленных отделений при Комиссии учреждались: Совет, состоявший из председателя Комиссии, двух ее членов и сенаторов, назначенных царем; правление Комиссии, состоявшее из председателя Комиссии и двух ее членов; сословие юрисконсультов при каждом отделении. Обсуждение вопросов происходило следующим образом: материалы обрабатывались юрисконсультами в отделениях, затем поступали в Правление и, далее, в Совет. Деятельность Комиссии пошла успешнее, когда членом совета Комиссии в 1808 г. был назначен Сперанский. Но направление деятельности осталось прежним, предполагалось создавать проекты уложений при помощи иностранных ученых, «...в особенности французских ученых-законоведцев», что свидетельствовало о недооценке русских ученых-правоведов. Как писал биограф Сперанского М. А. Корф: «Напитанный наполеоновскими идеями, он (Сперанский. — О. А.) не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию» [14, с. 156]. Во время поездки Сперанского в свите государя в Эрфрут сам Наполеон рекомендовал французских правоведов Локре и Легра, которые впоследствии стали членами Комиссии. Сперанский вел переписку с Тайлераном и Дюпоном по вопросу о создании Уголовного уложения. В 1806 г. началась переписка с Фей-

ербахом, который был принят в члены-корреспонденты Комиссии 24 февраля 1806 г., был известен «...отличными сведениями своими в юриспруденции и выдержавший испытания в Высшее училище правоведения», и которому было поручено заниматься составлением сравнительных таблиц для проекта Уголовного уложения под руководством действительного статского советника Розенкампфа [7, л. 78; 10, л. 22].

Некоторые русские ученые-правоведы привлекались для работы в комиссии, но для второстепенной работы, и только единицы зачислялись членами-корреспондентами [16, с. 9]. В 1810—1812 гг. Осип Горегляд работал помощником Якоба при составлении Уголовного уложения. 11 апреля 1810 г. «Директор Комиссии определил Императорского Московского экстраординарного профессора юриспруденции Цветаева принять корреспондентом Комиссии». В Комиссии составления законов, до приглашения в нее Якоба в 1808 г., над проектом Уголовного уложения работали: «начальник Дружинин, помощники Зальфельд, Цветков, Вронченко, Анненский, Яценков, Тургенев». В таком составе Комиссия за последующие после 1809 г. шесть лет завершила составление: Уложения гражданского; Уложения уголовного; двух частей Уложения торгового; первой части устава гражданского судопроизводства; 1 тома Свода законов [8, л. 40; 9, л. 29; 11, л. 20].

Начиная с 1804 г., Комиссия составления законов разработала три различных плана, по которым должно было быть подготовлено и издано Уголовное уложение Российской империи (первый план в 1804 г., второй в 1809 г. и третий в 1815 г.). В архивных материалах в ф. 1260 имеется краткое сравнение плана уголовных законов, Высочайше утвержденного в 1804 г., с планом, представленным в 1809 г., проведенное Розенкампфом. Он писал, что в плане 1809 г. наблюдалась масса недостатков: «во многих подразделениях предметы перемешаны», нет целой главы о личных обидах и нарушениях чести, ничего не сказано об особых отношениях между супругами, между детьми и родителями, господами и крепостными прислугами и проч. Но и неудивительно, что Розенкампф не утвердил данный план, так как к этому времени он уже поручил начальнику отделения коллежскому советнику Якобу составление проекта Уголовного уложения по старому (1804 г.) плану с некоторыми изменениями, что и было исполнено, как это видно из пред-

ставленного проекта [13, л. 179—188]. В связи с этим представляется наиболее интересным подробное рассмотрение плана Уголовного уложения, представленного в Докладе министерства юстиции от 28 февраля 1804 г.

Доклад министерства юстиции о преобразовании Комиссии составления законов, утвержденный 28 февраля 1804 г., давал план выработки уголовного кодекса, то есть необходимо было разработать не только Уголовное уложение, но и дать изложение общих начал права уголовного. Законы уголовные, согласно утвержденному Александром I докладу 28 февраля 1804 г., должны были составить самостоятельную четвертую часть книги законов; часть эта, в свою очередь, должна была разделиться на два отдела, из которых первый должен был содержать «Устав уголовный», второй — «Устав благочиния и все, до полиции относящееся». «Устав уголовный предполагалось разбить на два отделения, соответствующие как бы частям общей и особенной. Первое должно было затрагивать вопросы: 1) о преступлении и наказании вообще; 2) отличительные свойства разных злодеяний и преступлений; 3) нравственное и законное исследование всех степеней преступления: явное намерение, виновность, неосторожность...», а остальные девять рубрик — вопросы покушения, соучастия, наказания, стечения преступлений и проч. Отделение второе предусматривало распорядок преступлений и наказаний. Особенностью распределения в этой части служило то, что преступления разбивались на две категории: 1) против благосостояния государства и 2) против благосостояния частного лица. Первая группа делилась на три степени: 1-я степень: преступления против веры, против особы государя и злоупотребление против государства и императорской фамилии; 2-я степень: преступления против внешней безопасности государства, против внутренней тишины, сопротивление властям; и 3-я степень: против частных прав государства, против государственных чиновников и вины чиновников в отправлении должностей, на них возложенных.

Вторая группа «преступлений против благосостояния частного лица» разделялась на деяния «общеопасные» и такие, «когда нарушаются оными права частных людей, без возмущения общей тишины» [19, с. 33—63]. Общеопасные разделялись на три степени: 1) «зажигательство, разбой, ночное воровство, воровство со взломом и похищением и смертоубий-

ство»; 2) «подлог или злоумышленный обман в отношении к обществу», «угрозы, подвергающие опасности жизнь многих» и «возмутительные слова, порицание мер правительства, с оскорбительными выражениями для Государя императора и Власти»; и 3) «всякие недозволенные деяния, производящие в обществе смутение», «нарушение общей тишины при отправлении богослужения», «сопротивление полиции» и «умышленное банкротство». Случаи, когда нарушаются «...права частных людей без возмущения общей тишины», в свою очередь, разделялись на три степени: 1) «повреждение физических и нравственных качеств, насильствование, бой и увечье, поношение...»; 2) «злоупотребление домашней власти, многоженство, прелюбодеяние, подлог или лживые поступки, лишение собственности плутовством или коварством» и 3) «мошеничество и преступления, стремящиеся к развращению нравов». Наказание должно было определяться по соображению со степенями преступления, при соответствующих статьях проектировалось дать наказание и изложение «судебных обрядов» [20, с. 313].

В «Главном расположении книги законов» Комиссией указывалось, что первая часть содержит в себе государственные постановления, а «вторая часть содержит в себе Основания права (*principia juris*), на коих утверждаются законы гражданские, уголовные и судебные обряды. Они будут изложены в таком же порядке, как и законы общие». Создатели плана стремились сформулировать «общие начала» уголовного права, изложив их в «Общих основаниях права» в систематическом порядке. При этом они предлагали применять «основания права» ко всем случаям «в общезжитии встречающимся». Таким образом, «основаниям права» придавалось чисто практическое значение. «Основания уголовного права» представлялись деятелям Комиссии составления законов, как «...первые простые чистейшие истины, утвержденные на здравых заключениях человеческого разума, на долговременных опытах и наблюдениях строго исследованных» [19, с. 23, 50—51].

План Уголовного уложения 1804 г. был попыткой систематизации уголовного законодательства России. По существу, план, развитый в Докладе 1804 г., был оторван от реальности и неосуществим. На первый план были выдвинуты государственные и религиозные преступления. Остальные нарушения не получили дальнейшей разработки и были сгруппированы не только без достаточно-

го основания, но и даже без приведения каких-либо объяснений.

В развитии русского уголовного права важным этапом была разработка Уголовного уложения профессором Якобом. В период до 1810 г. Комиссия составления законов старалась не использовать опыт западноевропейского законодательства, хотя в распоряжении Комиссии имелся немецкий труд Ф. Глобига и проект баварского уголовного Уложения Фейербаха. Комиссия располагала довольно полным собранием указов и извлечением из них, приведенным в порядок по рубрикам, установленным Комиссией. Извлечение из Уложения и указов, расположенное по рубрикам, было попыткой систематизировать уголовно-правовые постановления. Найдя недостаточными извлечения из законов, находившиеся в распоряжении Комиссии, Якоб задался целью самостоятельно обработать материал русского уголовного права. В результате усилий появился проект профессора Якоба, как попытка систематического изложения русского уголовного права.

В архивных материалах в разных фондах хранятся несколько отличающиеся друг от друга редакции проекта Уголовного уложения, составленного Якобом: «Проект Уголовного уложения, составленный Якобом с приложением (французский и немецкий языки) 1812 г.», «Проект Уголовного уложения. Части I, II, III. Редакция 1813 г.» [12; 14]. В этом же деле хранятся «Основания уголовного права». С этого текста и был отпечатан в типографии в 1813 г. проект Уголовного уложения. Проект Уголовного уложения состоял из трех частей: первая часть — Основания уголовного права — имела 5 глав и 111 параграфов общих положений; вторая часть рассматривала наказания за государственные и общественные преступления; третья часть описывала наказания за частные преступления. И. И. Солодкин, сравнивая различные редакции Уголовного уложения 1813 г., пришел к выводу, что проекты, составленные Якобом, были написаны под сильным влиянием баварского уложения. Сам Якоб указывал, что его работа над проектом значительно была облегчена тем, что в Комиссии имелся проект составленного Фейрбахом баварского уложения [16, с. 15]. Но проект Якоба подвергся значительным изменениям в самой Комиссии при исправлении и обсуждении его в различных инстанциях. Комиссия составления законов направила написанный Якобом и исправленный в Комиссии проект Уголовного уложения в департа-

мент Государственного совета вместе с объяснительной запиской на I—III части проекта Уголовного уложения и краткого сравнения проекта с существовавшими российскими и иностранными законами. В объяснительной записке подчеркивалось, что постановления проекта Уголовного уложения «суть токмо извлечения из отечественных узаконений, как то: Уложения, Воинских Артикулов, Морского устава...» и других в разное время изданных указов. Во введении к Основаниям уголовного права указывалось, что «при составлении Уголовного уложения для России, должно весьма остерегаться вводить новые или заимствовать иностранные законы, которые по своему вероятно не будут приличествовать нравам, обычаям и характеру Российского народа, основанным на долговременных привычках, зависящих от климата и других местных отношений». При составлении проекта Уголовного уложения из собрания существующих узаконений Комиссия руководствовалась следующими принципами: «1) Исправить те из присутствующих ныне узаконений... которые не сходны с настоящим положением Российского народа. 2) Пополнить те, которые по неясности или неопределенности того требуют. 3) Согласить разноречия... 4) И, наконец, из всех исправленных, пополненных, очищенных и взаимно согласованных узаконений, составить одну книгу Уголовных законов или Уголовное уложение в естественном и ясном порядке» [13, л. 2а, 64].

В 1824 г. Сперанский, вернувшийся из ссылки из сибирского генерал-губернаторства, представил в Государственный совет замечания к проекту 1813 г., касающиеся в основном Общей части (определения неосторожной вины, соучастия и видов соучастников и т. п.). В журнале Государственного совета указано, что на заседании 20 августа 1824 г. при рассмотрении проекта Уголовного уложения обсуждались «...точные пределы сего проекта и роды преступлений». В своих рассуждениях Государственный совет пришел к выводу, что Уложение должно объединять, во-первых, все роды общих уголовных преступлений, исключая военных, горных и прочих к особенным уставам принадлежащим; во-вторых, уголовные преступления должны отличаться от полицейских; в-третьих, «государственные преступления должны быть различены от частных», к государственным преступлениям должны быть присоединены общественные; в-четвертых, «...проект будет представлять первую

часть целого Уложения об уголовных преступлениях и наказаниях, вторая должна будет содержать тяжкие полицейские преступления, третья — судопроизводство уголовное, четвертая — судопроизводство о тяжких телесных преступлениях». Согласно заключению Департамента предлагалось дополнить определение преступления «... тем, чтобы оно обнимало не только одни противозаконные действия, но и противозаконные упущения». Были сделаны замечания относительно прикосновенности, обстоятельств, увеличивающих преступление, смягчающих обстоятельств. Из замечаний относительно обстоятельств, смягчающих вину, представляет интерес вопрос о крайней нужде и бедности. Составители указали данное обстоятельство как смягчающее вину, но Государственный совет, опасаясь широкого толкования и применения данной статьи, сделал специальную оговорку: «Есть случаи, когда крайняя бедность и нужда может несколько смягчить; но их должно ограничить одними маловажными похищениями». В данной статье просматривался классовый характер Проекта. Далее Департамент законов устанавливал следующие правила: даровать преступнику прощение или изменить род и степень наказания никакой суд не может. Прерогатива прощения и поми-

лования принадлежала исключительно монарху [6, л. 2—3. 7—9].

Общая часть проекта имела большое значение для развития последующего законодательства. Все поправки на Проект, внесенные Сперанским в Государственный совет в 1824 г., были учтены при составлении тома уголовного Свода законов 1832 г., первый раздел которого был составлен в соответствии с Проектом 1813 г. При Николае I вопрос о создании Уголовного уложения уже не возникал.

Итак, в конце XVIII — первой четверти XIX в. проблема систематизации уголовного законодательства, наряду с упорядочением законодательства в целом, выдвинулась в число первоочередных вопросов развития юридической сферы деятельности российского государства. Работа законодательных комиссий не имела реального практического выхода, но именно эта деятельность не была напрасной. Она позволила накопить столь необходимый опыт для последующей работы. Именно благодаря этому периоду «проб и ошибок» были в последующие годы выработаны общие и частные подходы к систематизации российского законодательства, определены необходимые уровни актов систематизации. Думается, что важной вехой и составной частью этого процесса был проект Уголовного уложения 1813 г.

References

1. Gal'perin, G. B. Osnovnye napravleniya v oblasti kodifikatsii russkogo prava v nachale XIX v. (1801—1802 gg.) [Certain Areas in the Field of Codification of the Russian Law in the Beginning of the 19th century (1801—1802)] / G. B. Gal'perin // *Vestnik Leningr. un-ta.* — 1960. — No. 5.
2. Karnovich, E. P. O novom izdanii Polnogo sobraniya zakonov [On the New Edition of the Full Collection of Laws] / E. P. Karnovich // *Russkaya starina.* — 1874. — V. X.
3. Korf, M. A. Zhizn' grafa Speranskogo [Life of Earl Speransky] / M. A. Korf. — V. 1. — St. Petersburg, 1861.
4. Kratkoe obozrenie khoda rabot i predpolozhenii po sostavleniyu novogo kodeksa zakonov o nakazaniyakh [Concised Review of the Course of Work and Presumptions On Compilation the New Code of Laws on Punishment]. — St. Petersburg, 1846.
5. On transformation of the Commission on Making Laws: Decree of the Emperor of the Russian Empire as of June 5, 1801 // *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii.* — 1st edition. — V. XXVI. No. 19904. (In Russ.)
6. Russian State Historical Archive F. 1251. Op. 1. D. 64. (In Russ.)
7. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. D. 4. (In Russ.)
8. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. D. 6. (In Russ.)
9. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. D. 8. (In Russ.)
10. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. D. 17. (In Russ.)
11. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. D. 19. (In Russ.)
12. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. D. 262; (In Russ.)
13. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. D. 264. (In Russ.)
14. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. D. 268. (In Russ.)
15. Russian State Historical Archive F. 1260. Op. 1. Introduction. (In Russ.)
16. Solodkin, I. I. Ocherki po istorii russkogo ugovnogo prava (pervaya chetvert' XIX v.) [Reviews on the History of Russian Criminal Law (First Quarter of 19th Century) / I. I. Solodkin. — Leningrad, 1961.
17. Speranskii, M. M. Obozrenie istoricheskikh svedenii o Svode zakonov [Riview of Historical Data on Code of Laws] / M. M. Speranskii. — St. Petersburg, 1833.

18. Sukhomlinov, M. Issledovaniya i stat'i po russkoi literature i prosveshcheniyu [Investigations and Articles on Russian Literature and Enlightenment]/ M. Sukhomlinov. — V. 1. — St. Petersburg, 1889.
19. Trudy komissii sostavleniya zakonov [Works of the Commission on Making Laws]. 2nd edition. — Part. 1. — St. Petersburg, 1822.
20. Fel'dshtein G. S. Glavnye techeniya v istorii nauki ugolovnogo prava v Rossii [Main Doctrines in the History of Science of Criminal Law in Russia]/ G. S. Fel'dshtein. — Yaroslavl, 1909.
21. Shebanov, A. F. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (iz istorii sistemati-zatsii zakonodatel'stva v Rossii) [Full Collection of Laws of the Russian Empire (From the History of Systematization of Russian Legislation)]/ A. F. Shebanov // *Trudy VYuZl.* — V. XIV. — Moscow, 1970.

АНДРУСЕНКО Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент. Заведующая, кафедра теории и истории государства и права, Уральский финансово-юридический институт. 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 1. E-mail: ms.andol@mail.ru

ANDRUSENKO Olga Vladimirovna, Cand. Sc. Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Ural Financial Law Institute. Bld.1, Karl Liebknecht Str., 620075, Ekaterinburg. E-mail: ms.andol@mail.ru

For citation: **O. V. Andrusenko**. Activities of legislative commissions on systematization of criminal legislation of russia in 1800–1820's
Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 2(50).2015. pp. 172–178.

